

Основания именных классификаций: от семантики до фонологии

© 2018

Нина Романовна Сумбатова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; nina.sumbatova@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с описанием и интерпретацией категории грамматического рода (именного класса). Во многих типологических работах, посвященных этой категории, выделяются системы родов/классов, основанные исключительно на семантике существительных, и системы, в большей или меньшей степени опирающиеся на их формальные, прежде всего морфологические свойства. На примере даргинского языка в работе показано, что по крайней мере в части систем, которые принято считать семантическими, выбор показателей согласования по именному классу определяется не значением имени-контролера, а свойствами референта возглавляемой им именной группы. В статье также исследуется вопрос о существовании систем, в которых принадлежность имени к тому или иному классу однозначно определяется его морфологической структурой, и подробно описывается уникальная система согласования в языке ландума, в которой для выбора показателей согласования достаточно информации о фонологической структуре имени-контролера.

Ключевые слова: грамматический род, даргинский язык, именной класс, ландума язык, мель языки, принцип независимости синтаксиса от фонологии, согласование

Для цитирования: Сумбатова Н. Р. Основания именных классификаций: от семантики до фонологии // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 7–30. DOI: 10.31857/S0373658X0002018-8.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-18-01184. Приношу искреннюю благодарность коллегам, которые своими вопросами, комментариями и поправками помогли мне обнаружить пробелы и неточности в работе и внести некоторые существенные изменения и дополнения: П. М. Аркадьеву, В. Ф. Выдрину, А. А. Козлову, Л. С. Козлову, Дени Кресселю, Ю. А. Ландеру, а также анонимным рецензентам журнала «Вопросы языкознания».

Foundations of nominal classifications: from semantics to phonology

Nina R. Sumbatova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; nina.sumbatova@gmail.com

Abstract: In this paper, I discuss some difficult cases of description and interpretation of grammatical gender (nominal class). In typology, gender systems are often classified into those exclusively based on the meaning of the nouns (semantic gender) and those taking into account their formal, primarily morphological properties. Analyzing the gender system of Dargwa, I am trying to show that at least part of the gender systems that are usually viewed as semantic, are really based on the properties of the referent of the corresponding NP. I am also trying to figure out whether there are gender systems where the gender of a noun is unambiguously determined by its formal properties. In particular, I describe a very radical case of a gender system, the system of Landuma (Mel, Guinea), where the agreement rules seem to be based on the phonological structure of the controlling noun.

Keywords: agreement, Dargwa, gender, Landuma, Mel languages, noun class, Principle of Phonology-Free Syntax

For citation: Sumbatova N. R. Foundations of nominal classifications: from semantics to phonology. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 6. Pp. 7–30. DOI: 10.31857/S0373658X0002018-8.

Acknowledgements: The research is supported by RSF grant No. 17-18-01184. I express my sincerest gratitude to the colleagues, who helped to find some gaps and correct some mistakes in this paper:

P. M. Arkadiev, V. F. Vydrin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, Denis Creissels, Yu. A. Lander as well as anonymous reviewers of “Voprosy Jazykoznanija”.

Введение

Задача этой работы — обратить внимание на некоторые сложности и противоречия в принятых подходах к категории грамматического рода / именного класса, которые, как правило, остаются незамеченными. В частности, мы рассмотрим языки, которые принято описывать как языки с системами именных классов, и постараемся показать, что для некоторых таких языков введение системы классов в описание не является необходимым.

Традиционно как в отечественной, так и в англоязычной терминологической традиции различались понятия именного класса и грамматического рода, однако в последнее время многие лингвисты склонны объединять род и именной класс и рассматривать их как одну категорию (см. многочисленные работы Г. Корбета, прежде всего [Corbett 1991; 2006; Dahl 2000; Aikhenvald 2002; 2017] и др.). Поскольку реальные или гипотетические различия между родом и именным классом не являются предметом данной работы, мы поступим так же, однако, хотя в англоязычной традиции в этом случае, как правило, употребляется термин «gender» ‘род’, мы будем в качестве общего термина использовать словосочетание «именной класс».

1. Принципы отнесения имени к определенному классу

Категория именного класса широко распространена. Так, например, в базе данных [WALS] эта категория зафиксирована в 112 из 257 исследованных языков¹. Именной класс — грамматическая категория имен существительных. Ее определение базируется на согласовательных свойствах имен. Во многих языках имеется согласование по некоторым постоянным признакам именных лексем: лексемы разных классов вызывают разные согласовательные показатели в согласуемых словах. Широко цитируется определение именного класса, принадлежащее Чарльзу Хоккету: “Genders are classes of nouns reflected in the behaviour of associated words”² [Hockett 1958: 231]. Таким образом, принадлежность лексемы к тому или иному классу определяется по ее согласовательным свойствам. Например, в предложении *Я знала Петю совсем молодым* мужской род прилагательного *молодым* возникает в результате согласования в роде (и числе) с дополнением *Петю*.

Если классы задаются на основании согласования, то определить принадлежность имени к тому или иному классу носитель языка может несколькими способами, которые могут быть сведены к трем базовым принципам.

Семантический принцип. Класс может быть приписан тому или иному существительному на основании его значения. Так, в арчинском языке (нахско-дагестанская семья) любое существительное, обозначающее человека мужского пола, относится к классу I, любое обозначение лица женского пола — к классу II (см. таблицу 1 ниже). Ряд лингвистов, занимавшихся теорией и типологией категории именного класса, склонны считать, что во всех системах именных классов хотя бы часть имен распределяется по классам на основе их значения ([Corbett 1991: 8; Aikhenvald 2017] и др.).

Формальный принцип. Класс имени может определяться на основании его формальных — как правило, морфологических свойств (определенная морфологическая структура

¹ <http://wals.info/feature/30A#2/25.5/148.2>, дата обращения 31.07.2018.

² «Роды это классы существительных, проявляющиеся в поведении связанных с ними слов» (перевод автора).

или тип словоизменения)³. Так, в немецком языке все существительные с суффиксом *-chen* (включая популярное среди изучающих язык слово *Mädchen* ‘девочка’) относятся к среднему роду. В русском языке большинство существительных можно отнести к определенному роду на основании их типа склонения.

Лексический принцип. Наконец, для многих слов класс не определяется никаким правилом и должен быть выучен носителем: информация о классе хранится в словаре. Например, для большинства существительных в немецком языке класс является чисто лексической информацией (ср. *Wand* ‘стена’ — ж. р., *Boden* ‘пол’ — м. р., *Fenster* ‘окно’ — ср. р.).

В данной статье мы как раз и рассмотрим основания, на которых говорящий относит имя к определенному классу, или, что то же самое, те основания, на которых базируется классификация: «Интригующий вопрос, который интересует как лингвистов, так и нелингвистов, — способ распределения имен по различным родам. Лингвист, который хочет выяснить род того или иного существительного, может в качестве критерия использовать согласование. (...) Однако носитель языка должен знать род существительного, чтобы правильно осуществлять то самое согласование, которое лингвист использует в качестве критерия»⁴ [Corbett 1991: 7].

Как отмечено выше, считается, что во всех языках хотя бы часть имен распределяется по классам на основании их значения. Для нас же еще более существенно то, что в большинстве языков с именными классами хотя бы часть имен распределяется по классам на основании лексического принципа. Рассмотрим несколько примеров.

В арчинском языке (таблица 1) представлено четыре класса. Маркирование класса в имени отсутствует, никаких формальных способов определить класс не существует. Первые два класса (которые можно называть «мужским» и «женским») формируются на семантических основаниях — туда попадают исключительно названия людей соответствующего пола, распределение имен по остальным двум классам также отчасти семантивно: как

Таблица 1

Именные классы в арчинском языке (из [Chumakina 2012])

Класс	Значение	Показатели согласования	
		ед. ч.	мн. ч.
I	мужчины	w- / <w>	b- /
II	женщины	d- / <r>	
III	некоторые одушевленные имена (в том числе названия насекомых), некоторые неодушевленные имена	b- / 	Ø- / <Ø>
IV	некоторые одушевленные имена, некоторые неодушевленные имена, абстрактные имена	Ø- / <Ø>	

³ Г. Корбет [Corbett 1991: 51–62] указывает, что класс может определяться также на основании фонологических свойств имени. Мы, однако, считаем, что (возможно, за редкими исключениями, которые будут рассмотрены в разделе 3) фонологические свойства словоформы не могут однозначно определять ее класс. Если в некотором языке большинство существительных, обладающих некоторым фонологическим признаком (например, большинство слов, оканчивающихся на /a/), могут быть отнесены к некоторому классу (например, женскому роду), то это всего лишь статистическая закономерность, а не правило языка. Если же подобное правило действует для всех существительных некоторого открытого класса, то соответствующая фонологическая характеристика должна рассматриваться как морфологическая единица (в нашем примере следует выделять показатель женского рода -a). Эта проблема рассмотрена на примере языка ландума в разделе 3.3.

⁴ “An intriguing question, which interests non-linguists as well as linguists, is the way in which nouns are allotted to different genders. The linguist who wishes to establish the gender of a given noun can use agreement as a test. (...) However, the native speaker of the language must know the gender of a noun in order to produce the correct agreements (the evidence which the linguist uses).”

показано в таблице 1, некоторые группы существительных могут быть отнесены к классам III или IV на основании их значения, однако для большого числа неличных имен выбор между классами III и IV не определяется их значением и должен быть зафиксирован в словаре.

В языке фула (атлантическая семья ← макросемья нигер-конго) представлена разветвленная система именных классов, которые маркируются в самом имени при помощи суффиксов [Коваль 1997]. Для каждого класса имеется несколько (от двух до пяти) вариантов классного суффикса, распределенных по разным именам. В большинстве случаев класс имени можно определить по его суффиксу, однако так называемые «минимальные» варианты некоторых суффиксов омонимичны (в таблице 2 они выделены полужирным шрифтом). Те имена, которые присоединяют один из таких суффиксов, не могут быть помещены в нужный класс на основании формального признака — их класс должен фиксироваться в словаре.

Таблица 2

Именные классы в языке фула
(из [Коваль 1997: 100])⁵

Класс	Маркирование в составе имени				
	максимальная ступень	ступень деназализации	ступень чередования	минимальная ступень	внесистемный алломорф
O	<i>-do</i>		<i>-jo, -wo</i>	<i>-o</i>	<i>-ko</i>
BE	<i>-be</i>				<i>-en</i>
NDE	<i>-nde</i>	<i>-de</i>	<i>-re</i>	<i>-re/-e</i>	
NDI	<i>-ndi</i>	<i>-de</i>	<i>-ri</i>	<i>-ri/-i</i>	
NDU	<i>-ndu</i>	<i>-du</i>	<i>-ru</i>	<i>-ru/-u</i>	
(M)BA	<i>-(m)ba</i>	<i>-ba</i>	<i>-wa</i>	<i>-a</i>	
NGE	<i>-nge</i>	<i>-ge</i>	<i>-we, -ye</i>	<i>-e</i>	
NGO	<i>-ngo</i>	<i>-go</i>	<i>-wo</i>	<i>-o</i>	
NGU	<i>-ngu</i>	<i>-gu</i>	<i>-wu</i>	<i>-u</i>	<i>-ku</i>
NGAL	<i>-ngal</i>	<i>-gal</i>	<i>-wal</i>	<i>-al</i>	
NGOL	<i>-ngol</i>	<i>-gol</i>	<i>-wol</i>	<i>-ol</i>	
KA		<i>-ka</i>	<i>-ha</i>	<i>-a</i>	
KI		<i>-ki</i>	<i>-hi, -wi</i>	<i>-i</i>	
KO		<i>-ko</i>	<i>-ho</i>	<i>-o</i>	
KOL		<i>-kol</i>	<i>-hol</i>	<i>-ol</i>	
DAM		<i>-dam</i>	<i>-jam</i>	<i>-am</i>	<i>-ndam</i>
DUM		<i>-dum</i>	<i>-jum</i>	<i>-um</i>	
DE		<i>-de</i>	<i>-je</i>	<i>-e</i>	<i>-le</i>
DI		<i>-di</i>	<i>-ji</i>	<i>-i</i>	<i>-li</i>
KAL		<i>-kal</i>	<i>-hal</i>	<i>-al</i>	
NGEL	<i>-ngel</i>	<i>-gel</i>	<i>-wel, -yel</i>	<i>-el</i>	<i>-lel</i>
KON		<i>-kon</i>	<i>-hon</i>	<i>-on</i>	<i>-lon</i>

В русском языке мы также можем определить род большинства существительных, не обращаясь к словарной информации о роде, причем в этом случае работают как семантические, так и формальные факторы. Если слово обозначает исключительно мужчин или исключительно женщин (например, *отец*, *сосед* или *денди*, с одной стороны, и *мать*, *соседка* или *инженер*, с другой), то это слово относится к мужскому или женскому роду соответственно.

⁵ Мы позволили себе убрать из таблицы два класса, которые представляют собой диалектные варианты представленных в таблице.

Для неодушевленных существительных класс почти однозначно определяется по типу склонения. Однако и в русском остаются имена, род которых надо заучивать: существительные типа *судья*, относящиеся к «женскому» склонению и не имеющие однозначно маркированного по полу референта, а также довольно большое количество несклоняемых существительных⁶.

Таким образом, как в арчинском, так и в фула и в русском есть группы слов, для которых род должен определяться лексически. Собственно, именно лексический принцип фиксации класса / рода и делает род словоклассифицирующей грамматической категорией. Если бы род однозначно определялся на основе каких-то других факторов, то сама необходимость существования этой категории оказалась бы довольно сомнительной. В следующих разделах мы рассмотрим два типа языков, в которых, похоже, лексический принцип фиксации класса не используется, и обсудим некоторые теоретические проблемы, возникающие в связи с системами именных классов в этих языках. В разделе 2 мы обратимся к системам классов, которые, как принято считать, основаны исключительно на семантике. В частности, мы подробно рассмотрим систему классов в даргинском языке. В разделе 3 мы обратимся к системам, в которых распределение имен по классам полностью или частично опирается на некоторый формальный (морфологический или даже фонологический) признак самого имени. В заключительном разделе мы постараемся сформулировать некоторые выводы.

2. Семантически ориентированные системы классов

2.1. Даргинский язык: референтное правило согласования

Даргинский — один из крупнейших языков нахско-дагестанской семьи (более полумиллиона говорящих), большинство носителей которого исторически проживали в селениях центральной части республики Дагестан (в настоящее время существенная часть носителей проживает в различных городах Дагестана).

Как и другие нахско-дагестанские языки, даргинский представляет собой агглютинативный язык с исключительно богатым словоизменением и продуктивным словообразованием в области как имени, так и глагола. Маркирование ядерных актантов преимущественно следует эргативной модели. Даргинский — как и большинство языков нахско-дагестанской семьи — обладает развитым согласованием по именному классу (некоторые аспекты которого будут обсуждаться ниже), а также — в отличие от большинства нахско-дагестанских языков — согласованием по лицу.

В этой работе мы опираемся на данные диалекта с. Танты (Акушинский район Дагестана), который, видимо, близок цудахарскому диалекту. Как и в других диалектах даргинского, в тантинском представлена достаточно сложная система согласования по именному классу.

По классу согласуются довольно разнообразные единицы: большинство глагольных основ; некоторые корни прилагательных (например, $b=arx(-se)$ ‘прямой, правильный’); связки (идентифицирующая связка $=sa\langle b\rangle i/=sa=b$, экзистенциальные связки $le=b$, $te=b$, $\check{c}'e=b$, $\chi e=b$,

⁶ Для заметного числа несклоняемых существительных (включая аббревиатуры) род определяется семантическим правилом, но реальный узус не соответствует этому правилу даже во вполне нормативных текстах и у образованных носителей. Так, например, аббревиатура *ГАИ* (*Государственная автомобильная инспекция*), в соответствии с нормой, относится к женскому роду (по роду слова *инспекция*), однако поиск по НКРЯ дал следующие результаты: при согласовании сказуемого с «*ГАИ*»-подлежащим случаи согласования по женскому и среднему роду распределились ровно пополам (по 7 примеров), в то время как при согласовании внутри ИГ (прилагательное или местоимение согласуется с «*ГАИ*»-вершиной ИГ) средний род преобладает (40 примеров против 12 в женском роде).

отрицательный вспомогательный глагол $b=a'k:u$); местоимения $sa=j$ 'сам', $liil$ 'весь, все', $b=aqal$ 'много'; прилагательные с суффиксом $-če=b$ 'обладающий чем-либо' ($dawla-če=w(-se)$ 'богатый'); а также формы эссива существительных и локативных наречий / послелогов⁷ ($t:ura=b$ 'снаружи', $b=u'hna=b$ 'внутри', $če=b$ 'наверху', $laclija=b$ 'на стене')⁸.

Наиболее типичным контролером классного согласования в клаузе является абсолютивная ИГ. Так, в примере (1) контролером согласования является именная группа arc 'деньги', принадлежащая неличному классу (единственного числа), она вызывает классный показатель b в глаголе (деепричастие $b=al-ʕa^s-b=ič-ib-le$ 'закончившись'), в связке $=sa=b$, в эссивной форме существительного $kisna=b$ 'в кармане', а также в отрицательном вспомогательном глаголе $b=a'k:u$ 'не существует', который составляет отдельную клаузу с опущенным абсолютивом, кореферентным абсолютиву первой клаузы.

- (1) $bus:a't$ $dila$ $kisna=b$ arc $b=al-ʕa^s-b=ič-ib-le=sa=b$,
сейчас я:GEN карман:LOC=N(ESS) деньги <подходить>N=LS-NEG-N=LV:PFV-PRET-CONV=COP=N⁹
 $b=a'k:u=ra=nu$
N=NEG.EXST=ADD=CONTR
'Сейчас в моем кармане деньги кончились, нет (денег)'.

Традиционно в даргинском языке выделяют три именных класса в единственном числе и три (не тех же самых) — во множественном, как показано в таблице 3.

Таблица 3

**Граммемы категории именного класса и классные показатели
в даргинском языке (тантынский диалект)**

Ед. ч.		Мн. ч.	
мужской <w> / ∅	женский <r>	1 / 2 лицо <d>	личный (3 лицо)
неличный 		неличный <d>	

Распределение имен по классам основано на их значении. В мужском и женском классе, а также в личном классе множественного числа представлены только имена, обозначающие людей (и Аллаха), в неличном классе единственного числа — любые единичные объекты, не входящие в класс людей, в частности, все названия животных. Во множественном неличном классе содержатся обозначения множественных объектов, а также жидкостей и сыпучих веществ. Отдельный класс составляют именные группы 1 и 2 лица множественного числа.

Таблица 4

Распределение имен по классам в даргинском языке (тантынский диалект)

Ед. ч.		Мн. ч.	
мужчины и Аллах	женщины	мы и вы	люди (любого пола)
все прочие единичные объекты		множества и массы	

Хотя даргинские существительные, как кажется, без серьезных проблем разбиваются на классы на основании их значений, несколько более пристальный взгляд на согласование показывает, что при выборе согласовательных показателей носители ориентируются

⁷ В тантынском класс локативных наречий и класс послелогов практически совпадают.

⁸ В примерах из даргинского знак '=' отделяет клитики, а знак '—' — показатели именного класса. Список показателей дан ниже в таблице 3.

⁹ При глоссировании так называемых сложных глаголов (состоящих из «легкого» глагола и дополнительной основы) слева в угловых скобках дается перевод всей глагольной лексемы, а потом поморфемные глоссы.

не на семантические признаки имени, а на свойства референта той именной группы, которая контролирует согласование. Эту идею, впервые выдвинутую Ю. А. Ландером [2015], можно подкрепить целым рядом аргументов (Ю. А. Ландеру принадлежат также аргументы 1, 2, 4 ниже).

1. При согласовании с группами, включающими количественные числительные, существительные в составе такой группы стоят в единственном числе, однако мишень согласования получает классный показатель множественного числа (естественно, если числительное обозначает число больше единицы), ср. пример из устного текста:

- (2) [ʃaʰb-al admi] **b=at-ha-b=iš:-ib-le=sai**
 три-CARD человек <брести>HPL=LS-UP-HPL=LV:PFV-RET-CONV=COP<HPL>
 ʰaʰʒ-li-ja **b=aʰqʰ-iž**
 хадж-OBL-SUPER(LAT) HPL=пойти:IPFV-INF
 ‘Три человека отправились в хадж’.

В группах с числительными существительное имеет грамматический признак единственного числа, но группа имеет множественного референта, что и отражается в согласовании.

2. Существует целый ряд существительных, которые в разных контекстах могут обозначать объекты разного типа. Самый очевидный случай — это существительные, которые могут обозначать лиц как мужского, так и женского пола, — например, названия профессий. Во многих языках, включая русский, согласование с подобными существительными регулируется довольно сложными правилами. В даргинском, однако, никаких сложностей не возникает: показатель согласования всегда выбирается в соответствии с полом референта.

- (3) direktur **w=ač'-ib** // **r=ač'-ib**
 директор M=приходить:PFV-RET F=приходить:PFV-RET
 ‘Директор пришел / пришла’ (пример Ю. А. Ландера).

Есть и неодушевленные существительные, которые могут относиться к объектам разного типа. Например, имена, обозначающие различные злаки, могут также обозначать участок земли, засеянный данной культурой. В первом случае (когда имеется в виду зерно как сыпучее вещество) согласование идет по множественному неличному классу, в последнем — по неличному классу единственного числа:

- (4) a. dila ač'i le=**d**
 я:GEN пшеница EXST=NPL
 ‘У меня есть пшеница’.
 b. dila ač'i le=**b**
 я:GEN пшеница EXST=N
 ‘У меня есть участок пшеницы’ (пример Ю. А. Ландера).

Сюда же следует отнести случаи, когда именная группа множественного числа относится к референту первого или второго лица, например, при обращении: если в такой группе представлен показатель классного согласования, то выбирается показатель 1 / 2 лица мн. ч., ср. (5a) и (5b):

- (5) a. **d=ik:-u-se** dila gul-e
 1/2PL=любить-PRS-ATR я:GEN ребенок-PL
 ‘Любимые мои дети!’ (обращение)
 b. **b=ik:-u-se** dila gul-e **b=ač'-ib**
 HPL=любить-PRS-ATR я:GEN ребенок-PL HPL=приходить:PFV-RET
 ‘Приехали мои любимые дети’.

Аналогичным образом, в примере (6) из устного текста, ИГ *d=ams:-ur-se adim-te* ‘усталые люди’ относится к группе людей, включающей рассказчика (то есть имеет референт 1 лица мн. ч.), и в соответствии с этим причастие ‘усталые’ содержит показатель 1/2 лица мн. ч. *d*:

- (6) d=ams:-ur-se adim-te, <...> č'u-ž-il-la beri
1/2PL=устать:PFV-PRET-ATR человек-PL два-ORD-ATR.CONTR-GEN день
wa^s-le ha-t'=ra-ha-d=ic:-ur=da=q'ale
плохой-ADV UP-IF=ADD-UP-1/2PL=стать:PFV-PRET=1=ACTL
'Люди (мы) устали, <...> на второй день встали с трудом'.

Таким образом, все именные группы вызывают согласование в соответствии со свойствами их актуального референта, независимо от словарного значения существительного-вершины.

3. Особый интерес представляют так называемые *committee nouns* — существительные, обозначающие группы людей ('народ', 'правительство', 'милиция' и т. п.). Такие имена в принципе могли бы относиться либо к неличному единственному, либо к личному множественному классу. В тантыньском их классная принадлежность напрямую не определяется, так как показатели неличного единственного и личного множественного классов омонимичны (*⟨b⟩*). Однако если судить по косвенным данным, то их следует отнести к личному множественному классу. В пользу такой трактовки говорит форма согласуемых прилагательных: зависимые от таких имен прилагательные могут стоять во множественном числе (7). К тому же, такие существительные контролируют множественное число рефлексивного местоимения (8).

- (7) kač:ib-te χalq'
 основательный-PL народ
 'основательный народ'
- (8) pravitel'stwo-li har-zamana ču-la zarplata
 правительство-ERG каждый-время сам:PL-GEN зарплата
 haq-b=irq' -u-le=sa=b
 <повысить>LS-N=LV:IPFV-PRS-CONV=COP=HPL
 'Правительство все время повышает свою зарплату'.

4. При непрямых употреблениях имен — например, когда существительное, обозначающее животное, применяется по отношению к человеку, — показатель согласования выбирается в соответствии с классом референта, а не по стандартному значению имени:

- (9) quli=w hil mac:a le=w
дом:LOC=M(ESS) этот овца EXST=M
'В доме эта овца (о мужчине)' (пример Ю. А. Ландера).

5. При референции к животным всегда используются согласовательные показатели неличного класса, даже если животные являются олицетворяемыми персонажами сказок. Однако в последнем случае говорящие иногда ошибаются и используют личные показатели согласования (которые сами при разборе оценивают как ошибочные (10)).

- (10) $\langle \dots \rangle$ r=ik'-u-le=sa<r>i... b=ik'-u-le=sai k:urt:a
F=ГОВОРИТЬ:IPFV-PRS-CONV=COP<F> N=ГОВОРИТЬ:IPFV-PRS-CONV=COP<N> лиса
' $\langle \dots \rangle$ — говорит лиса'.

В большинстве случаев семантика имени и свойства референта возглавляемой им группы согласованы друг с другом и требуют одних и тех же согласовательных показателей, поэтому «семантический» и «референтный» принципы согласования неразличимы. Однако в тех случаях, когда значение имени не дает оснований для выбора классного показателя (случаи типа ‘врач’) или противоречит свойствам референта (случаи типа ‘Эта овца дома’), всегда оказывается, что носители выбирают согласование по референту.

Можно говорить о том, что в тантынском и, видимо, в других даргинских диалектах согласование, которое принято считать согласованием по классу имени, на самом деле является согласованием по свойствам референта возглавляемой данным именем ИГ — личности, полу, во множественном числе также по лицу.

Согласование, которое базируется не на значении имени, а на свойствах референта, можно называть референтным (referential gender), как предложил Эстен Даль [Dahl 2000]. Он же, в частности, отметил, что знакомое по многочисленным работам противопоставление семантического и формального согласования скорее следует рассматривать как противопоставление согласования референтного (случаи типа *Врач пришла*) и лексического (случаи типа *Врач пришел* (о женщине)). Даргинский язык, как мы увидели, предпочитает референтное согласование.

Что касается даргинских нереферентных ИГ, то, как выясняется, их характеристика с точки зрения именного класса также нестабильна. Если согласование наблюдается в ИГ, занимающей позицию именного предиката, то такое согласование ориентируется на свойства подлежащего, которое имеет референта:

- (11) $\zeta ux:a$ $dawla\check{c}e=d$ $adim-te=sat:a$ ($\leftarrow sa=d=da$)
 вы богатый=1/2PL человек-PL=COP:1/2PL:2PL
 ‘Вы богатые люди’.

В некотором смысле такой тип согласования тоже можно считать референтным. Однако далеко не все нереферентно употребленные ИГ могут найти аналогичную опору в референтных. Рассмотрим пример:

- (12) a. $pat'imat-li-\check{z}$ [$harlemar-se$ $julda\check{s}$ $w=ar\check{c}:-i\check{z}$] $b=ik:-u-le=sa=r$
 Патимат-OBL-DAT настоящий-ATR друг M=найти:PFV-INF N=хотеть:IPFV-PRS-CONV=COP=F
 ‘Патимат хочет найти настоящего друга (мужского пола)’.
- b. $pat'imat-li-\check{z}$ [$harlemar-se$ $julda\check{s}$ $r=ar\check{c}:-i\check{z}$] $b=ik:-u-le=sa=r$
 Патимат-OBL-DAT настоящий-ATR друг F=найти:PFV-INF N=хотеть:IPFV-PRS-CONV=COP=F
 ‘Патимат хочет найти настоящую подругу’.

В предложении (12a) инфинитив вложенной клаузы $w=ar\check{c}:-i\check{z}$ ‘найти’ содержит показатель мужского класса, который отражает признак нереферентной абсолютной ИГ $harlemar-se\ julda\check{s}$ ‘настоящий друг’. Само по себе слово $julda\check{s}$ ‘друг’ может означать как друга, так и подругу, но в (12a), как утверждают носители языка, имеется в виду исключительно друг мужского пола. Если Патимат ищет подругу, то глагол ‘найти’ должен согласовываться по женскому классу, как в примере (12b) ($r=ar\check{c}:-i\check{z}$ ‘найти’). Носитель не может, не меняя конструкции, выразить идею поиска друга без указания на его пол. Получается, что, хотя ИГ $harlemar-se\ julda\check{s}$ ‘настоящий друг’ нереферентна, в семантику предложения тем не менее входит указание на пол того гипотетического объекта, который она описывает.

Таким образом, признак пола и в референтных, и в нереферентных употреблениях приписан не существительному, а целой именной группе в конкретном употреблении и может меняться в зависимости от коммуникативных намерений говорящего. Это означает, что при описании даргинского языка нет никакой необходимости приписывать именной класс существительным в словаре и, строго говоря, нет никакой необходимости вводить в описание словоклассифицирующую категорию рода или именного класса.

2.2. Существуют ли семантические системы именных классов?

Даргинское согласование, как мы увидели, базируется на свойствах референта, а в случае нереферентных имен — не на лексическом значении имени-контролера, а на некоторых элементах значения целой ИГ. Остается не до конца ясным, какие существуют системы именных классов, основанные собственно на семантике имен. Г. Корбет, который не противопоставляет «семантическое» и «референтное» согласование, приводит в качестве строго семантических (*strict semantic*) системы именных классов в дравидийских языках. Однако похоже, что в этих языках противопоставление «классов» также (по крайней мере частично) базируется на свойствах референтов ИГ: в случаях, когда лексические свойства имени не определяют классную принадлежность или когда лексическое значение имени противоречит свойствам референта, выбирается референтное согласование. В частности, М. С. Андронов, описывая согласование многозначных существительных в тамильском языке, отмечает: «У этих существительных согласование в роде с глагольными формами и местоимениями определяется значением, в котором выступает такое существительное в данном случае, например, слово *eezhai* может иметь значения ‘глупость’, ‘бедняк’, ‘бедная женщина’ и функционировать соответственно как существительное среднего, мужского или женского рода» [Андронов 1987: 45].

Возможно, собственно семантическими являются системы, основанные на сравнительно простой оппозиции по личности или одушевленности, но не так легко найти семантическую (не референтную) систему именных классов, в которой задействован признак пола, или вообще систему, включающую больше двух классов. Поскольку мы не опираемся на результаты полноценного типологического исследования, мы не можем поручиться, что языков с такими системами нет, но не располагаем хорошими примерами таких языков. Например, в работе [Aikhenvald 2017: 364] есть указание на существование подобных систем, но никаких примеров не приводится.

Какими свойствами должна обладать система именных классов, чтобы можно было назвать ее собственно семантической:

- во-первых, тот семантический признак, по которому противопоставляются классы, должен присутствовать в значении всех релевантных имен — например, если в языке представлено противопоставление по полу, то признак пола должны выражать все названия людей или даже все одушевленные существительные (в противном случае мы столкнемся с необходимостью референтного согласования у тех имен, которые могут относиться к референтам обоих полов — например, у имен типа ‘родственник’, ‘сосед’, ‘друг’, названий хотя бы некоторых профессий и т. п.);
- во-вторых, в случае непрямого употребления имени (*Он настоящая свинья*) согласование с именем должно происходить по его стандартному, прямому значению (в отличие от даргинского примера (9)).

В известных нам языках для признака пола/гендера это не так. Везде есть слова типа ‘врач’, ‘друг’ или ‘сиблинг’, пол референтов которых заранее не определен. С другой стороны, даже если бы он был определен, это привело бы только к полному совпадению семантики имени и свойств референта, то есть именная классификация в таком языке была бы одновременно и семантической и референтной. В этом гипотетическом случае мы также не имели бы необходимости фиксировать класс (род) в словаре, поскольку информация о нем присутствует в толковании лексемы. Следовательно, не нужна была бы и словоклассифицирующая категория именного класса или рода.

3. Формально ориентированные системы классов

3.1. Образ идеальной системы

Рассмотрев системы, так или иначе основанные на семантике, мы обратимся к принципиально другому типу систем классного согласования — системам, в которых для существенного числа имен класс определяется на основании каких-либо формальных правил. В частности, так обстоит дело в упоминавшемся выше языке фула, в русском языке и во многих других языках разных семей и ареалов. Обсуждая их, мы отметили, что в этих языках, как и в большинстве других, тем не менее существуют довольно заметные группы имен, класс которых никакими правилами не определяется и должен фиксироваться в лексиконе. Это свойство большинства систем именных классов заставляет задуматься о том, есть ли языки, в которых класс всех имен может быть определен на основании некоторого формального правила (или сравнительно простой комбинации правил). Наиболее перспективными в этом отношении кажутся так называемые прозрачные (*overt*) классные системы — такие, в которых принадлежность к определенному классу маркирована некоторым показателем в составе существительного. Такую «идеальную» систему классов описывает Г. Корбет: “A language with an ideal overt system would have a marker for gender on every noun, with only one marker per gender (for example, all masculine nouns end in *-o*, all feminine in *-a*)” [Corbett 1991: 62]. Добавим от себя, что, с нашей точки зрения, для полной прозрачности системы согласовательных классов скорее важно не то, чтобы на каждый класс приходился ровно один маркер, а то, чтобы не было классов с омонимичным маркированием: в этом случае классная принадлежность любого слова будет определяться по этому самому маркеру.

В следующем разделе мы займемся поисками «идеальных» систем и обсудим вопрос об их интерпретации.

3.2. Согласование по аффиксу?

Языки с прозрачными системами классов весьма многочисленны, однако, как выясняется, найти среди них идеальную систему не так уж просто. Как правило, даже в языках с прозрачно маркированными классами имеются случаи омонимии показателей, которые для части существительных не позволяют определить согласовательный класс по внешней форме имени. В частности, случаи омонимии присутствуют в приведенной выше системе языка фула (таблица 2).

Рассмотрим еще несколько примеров. В языке лингала (см. [Топорова 1994]) представлена типичная для языков банту система именных классов с префиксальной маркировкой. Классов сравнительно немного (двенадцать), среди них есть две пары классов, в которых имеются случаи омонимии показателей (большая часть слов класса 1 и слова класса 3 — префикс *to-/mw-*; подклассы 1А и 9А — нулевой префикс).

Очень близка к искомому идеалу система языка манджак (атлантическая семья, макросемья нигер-конго; [Segeer 2015]), показанная в таблице 5 (с. 18). Только в двух классах из тринадцати есть частичное совпадение показателей (омонимичные показатели в таблице выделены полужирным шрифтом).

Тем не менее, прозрачные системы согласовательных классов без случаев омонимии обнаружить удалось, и мы склонны предполагать, что в действительности таких систем не так уж мало. Прежде всего, такую систему обнаружили в языке акебу Н. В. Макеева и А. Б. Шлуинский [Макеева, Шлуинский 2015]. Язык акебу (Того) принадлежит к семье ква макросемьи нигер-конго. В нем представлено семь именных классов, которые маркируются

Именные классы в языке манджак (из [Segeer 2015])

Таблица 5

Имя класса / префикс	Примеры
<i>na ~ à ~ Ø</i>	<i>na-siən</i> ‘вождь’, <i>à-nin</i> ‘мать’, <i>nan</i> ‘человек’
<i>ba ~ bà</i>	<i>ba-siən</i> ‘вожди’, <i>bà-mprəli</i> ‘девушки’
<i>o ~ ò</i>	<i>o-ŋil</i> ‘гиена’, <i>ò-tɪl</i> ‘рисовое поле’
<i>ngə</i>	<i>ngə-ŋil</i> ‘гиены’
<i>bə ~ bà</i>	<i>b-eeən</i> ‘голова’, <i>bà-tɪ</i> ‘небо’
<i>m ~ mā(n)</i>	<i>m-taw</i> ‘молоко’, <i>mā-nebər</i> ‘совокупление’
<i>ka ~ kà</i>	<i>ka-bat</i> ‘ухо’, <i>kà-cimp</i> ‘обрезание’
<i>ɪ</i>	<i>y-eeən</i> ‘головы’ ¹⁰
<i>pə ~ pà</i>	<i>pə-romaj</i> ‘зуб’, <i>pà-tɪmb</i> ‘дефекация’
<i>kə</i>	<i>kə-kəs</i> ‘глаза’
<i>ndə</i>	<i>ndə-konj</i> ‘палец’
<i>tə</i>	<i>tə-ko</i> ‘это место’
<i>də</i>	<i>də-ko</i> ‘то место’

одновременно префиксом и суффиксом (таблица 6). При этом, как видно из таблицы, случаев омонимии префиксов много, но случаев омонимии комбинации префикса и суффикса нет совсем, так что принадлежность имени к тому или иному согласовательному классу однозначно определяется комбинацией префикса и суффикса в форме самого имени.

Таблица 6

Именные классы в языке акебу (из [Makeeva, Shluinsky (ms.)])

Класс	Префикс	Суффикс	Пример
DU	Ø-	-yā	<i>fūti-yā</i> ‘птица’
PE	ɪ̌-	-pā	<i>à-pāŋ-pā</i> ‘масло’, <i>ò-fūti-pā</i> ‘птицы’
TE	Ø- (озвончение)	-tā	<i>gò-tā</i> ‘печень’
WE	Ø-	-wā	<i>náá-wā</i> ‘огонь’
YE	ɪ̌-	-yā	<i>à-kpò-yā</i> ‘сумка’, <i>à-náá-yā</i> ‘огни’
KE	Ø- (озвончение)	-kā	<i>gà-kā</i> ‘мясо’
	ɪ̌-		<i>à-kāā-kā</i> ‘рука’
	kā-		<i>kā-tōō-kā</i> ‘перо’
KPE	wā-	-kpā	<i>wā-tāā-kpā</i> ‘рынок’, <i>wā-tōō-kpā</i> ‘перья’
	Ø- (озвончение)		<i>gú-kpā</i> ‘комната’

Хотя некоторые классы содержат имена и единственного, и множественного числа, они не распадаются на сингулярные и плюральные классы, так как показатели согласования по именному классу от числа имени не зависят (примеры предоставлены А. Б. Шлуинским)¹¹:

¹⁰ у — вариант префикса *ɪ*.

¹¹ Как справедливо указал анонимный рецензент, вопрос о том, как следует выделять именные классы в языках нигеро-конголезской макросемьи, остается дискуссионным. Традиционный подход, предполагающий отнесение форм единственного и множественного числа к разным классам, противопоставляется типологически ориентированному взгляду на проблему, при котором именной лексеме в обеих числовых формах приписывается общий класс с различными показателями согласования для разных числовых форм (см. [Corbett 1991: 145–188]). Поскольку для нас в данном случае важно формальное маркирование класса в имени-контролере, более традиционный для

- (13) a. *gúú-ká* *kà-lā-tò*
ложка-кə кə-3.PFV-упасть
‘Ложка упала’.
- b. *wà-kúú-kpə* *wà-lā-tò*
кpə-ложка-кpə кpə-3.PFV-упасть
‘Ложки упали’.
- c. *wà-cíí-kpə* *wà-lā-tò*
кpə-дерево-кpə кpə-3.PFV-упасть
‘Дерево упало’.
- d. *è-cíí-yá* *yà-lā-tò*
yə-дерево-yə yə-3.PFV-упасть
‘Деревья упали’.

В языке акебу существуют конструкции, в которых имя может употребляться без классного суффикса (подробнее см. [Макеева, Шлуинский 2015]), однако это не подрывает «идеального» характера его классной системы, так как суффикс присутствует в подавляющем большинстве употреблений имени и является частью его морфологической структуры.

Еще одна идеальная система представлена в языке ньюн (атлантическая семья), где число классов приближается к 30 (см. таблицу 7; ниже приводятся данные из работы [Bao Diop 2015], в которой рассмотрен материал диалекта ньюн гуньямоло (Nyun Gunyamolo))¹².

Таблица 7

Именные классные префиксы в ньюн гуньямоло (из [Bao Diop 2015])

Единственное число		
Префикс	–ATR ¹³	+ATR
1. (∅)	∅- <i>jih</i> ‘собака’	∅- <i>jiboon</i> ‘лошадь’
2. <i>u-</i>	<i>u-dikaam</i> ‘женщина’	<i>u-diigeen</i> ‘человек’
3. <i>a-</i>	<i>a-ɲɔɲ</i> ‘муравей’	<i>a-wug</i> ‘комар’
4. <i>ba-</i>	<i>ba-kak</i> ‘куропатка’	<i>ba-kər</i> ‘курица’
5. <i>bi-</i>	<i>bi-gɔf</i> ‘голова’	<i>bi-giir</i> ‘лицо’
6. <i>bu-</i>	<i>bu-somɔl</i> ‘змея’	<i>bu-lor</i> ‘камень’
7. <i>da-</i>	<i>da-gɔf</i> ‘большая голова’	<i>da-gid</i> ‘большая девочка’
8. <i>fa-</i>	<i>fa-tɔnɔ</i> ‘птица’	<i>fa-kkir</i> ‘обезьяна’
9. <i>fu-</i>	<i>fu-naagen</i> ‘лук (оружие)’	<i>fu-jongoloor</i> ‘сороконожка’
10. <i>gu-</i>	<i>gu-fac</i> ‘комната’	<i>gu-kooj</i> ‘калебас’
11. <i>ko-</i>	<i>ko-tɔnɔ</i> ‘птичка’	<i>ko-cufun</i> ‘зайчик’
12. <i>raN-</i>	<i>raŋ-kub</i> ‘краб’	<i>raŋ-kub</i> ‘обрезание’
13. <i>siN-</i>	<i>siŋ-kind</i> ‘веревка’	<i>si-deen</i> ‘пирога’
14. <i>ta-</i>	<i>ta-kɔlɔl</i> ‘сок’	<i>ta-ben</i> ‘набедренная повязка’
15. <i>kaN-</i>	<i>kan-teda</i> ‘кухня’	<i>kaŋ-tuɔ</i> ‘зал ожидания’
16. <i>kuN-</i>	<i>kuŋ-pan</i> ‘мед’	<i>kuŋ-jum</i> ‘борьба’
17. <i>ho-</i>	<i>ho-ŋj</i> ‘вещь’	

Продолжение таблицы 7 на с. 20

африканистики (и принимаемый также и авторами описания акебу) подход в данном случае оказывается более удобным. Обсуждение данной проблемы с типологических и теоретических позиций в наши задачи не входит.

¹² Другие названия языка ньюн — байнук, байнунк (Bainuk, Bainouk, Bainounk).

¹³ В ньюн гуньямоло наблюдается гармония гласных по признаку ±ATR (advanced tongue root) — «продвинутый вперед корень языка».

Продолжение таблицы 7 со с. 19

Множественное число		
Префикс	-ATR	+ATR
18. a- (+ -Vŋ)	a-han-aŋ 'канарейки'	v-gir-eŋ 'лица'
19. iN-	in-dikaam 'женщины'	in-diigeen 'люди'
20. ba-	ba-fac 'комнаты'	bv-jog 'кучи'
21. di-	di-lalanja 'апельсины'	di-tiir 'просо'
22. ha-	ha-son 'дыры'	hv-diuh 'ступни'
23. ja-	ja-pɔɔ 'травы'	jv-ben 'набедренные повязки'
24. ji-	ji-nappi 'быки'	ji-feer 'решета'
25. tuN-	ton-no 'деревья'	mun-deen 'пироги'
26. ɲaN-	ɲaŋ-kolo 'петухи'	ɲɛɲ-jɛŋgɛl 'кровати'
27. ɲo-	ɲo-fali 'ослики'	ɲo-cufun 'зайчики'
28. ti-	ti-uɛt 'пчелы'	ti-wulul 'мухи'
29. diN-	di-lalanja 'большие апельсины'	diŋ-gid-eŋ 'толстые девушки'

В таблице 7, основанной на данных из работы [Bao Diop 2015], присутствуют классы 4 (сингулярный) и 20 (плюральный), которые выглядят как два класса с омонимичными классными префиксами. Однако согласовательные показатели во всех конструкциях для классов 4 и 20 совпадают, то есть на самом деле это один и тот же согласовательный класс¹⁴:

(14) Класс 4 [Bao Diop 2015]

- a. bɛ-gid-o um-ba
CL-девочка-DEF DEM1-CL
'эта девочка'
- b. bɛ-gid-o ba-ɲaan
CL-девочка-DEF CL-DEM2
'та девочка'

(15) Класс 20 (= класс 4) [Bao Diop 2015]

- a. ba-yaah-o um-ba
CL-одежда-DEF DEM1-CL
'эта одежда'
- b. ba-yaah-o ba-ɲaan
CL-одежда-DEF CL-DEM2
'та одежда'

Языки акебу и ньон ставят перед исследователем вопрос о том, как правильно описывать существующие в них механизмы согласования. С одной стороны, в описании этих языков можно вообще обойтись без понятия именного класса и ввести правило, в соответствии с которым выбор согласовательного показателя определяется тем, какая морфема-контролер представлена в имени-вершине:

(16) ПОКАЗАТЕЛЬ P_i («КОНТРОЛЕР») → ПОКАЗАТЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ AGR_i

¹⁴ Согласование в языке ньон стало предметом обсуждения в целой серии публикаций ([Dimitriadis (ms.); Dobrin 2012; Sande 2017] и др.) в связи с тем, что в работе [Dimitriadis (ms.)] было предложено описание этой системы как радикально аллитеративной («фонологической»; см. раздел 3.3 ниже). Однако более подробные исследования ([Cobbinah 2010] и др.) показали, что согласование в ньон все же нельзя считать фонологическим.

С другой стороны, подобные правила явно нарушают наши представления о том, какие правила согласования в принципе допустимы и какие нет. Мы вернемся к этой проблеме в разделе 3.4, а сейчас более подробно рассмотрим еще одну идеальную систему — систему языка ландума.

3.3. Ландума — язык с фонологической классификацией?

Язык ландума относится к семье мель макросемьи нигер-конго. Он распространен на северо-западе Республики Гвинея, в районе города Боке; число говорящих, по нашей оценке, около 30 тысяч. Приводимые ниже данные получены автором в ходе полевой работы с носителями ландума.

В языке ландума есть несколько конструкций, в которых представлено согласование, которое выглядит как согласование по именному классу. В пределах именной группы с вершиной согласуются определенный артикль и другие детерминативы, посессивный предлог, числительное *-in* ‘один’, вопросительные слова *-ke* ‘какой’ и *-are* ‘который’, прилагательные и посессивные местоимения. Финитный глагол и связка согласуются с подлежащим. Кроме того, выбор некоторых местоимений — объектного и эмфатического субъектного — происходит в целом по тем же правилам, что и собственно согласование. В данном разделе мы рассматриваем выбор этих анафорических средств вместе с согласованием.

В ландума в одних и тех же конструкциях происходит согласование двух типов. Они могут быть проиллюстрированы примером (17), где приводятся шесть именных групп, в которых числительное ‘один’ согласуется с именем-вершиной:

- (17) *jonbo wk-in* ‘одна гиена’
klrmə̀kə wk-in ‘один учитель’
wə̀bɛ wk-in ‘один царь’
tləlɛr t-in ‘один палец’
lɔ̀kɔ̀ŋ l-in ‘одна неделя’
gbundo gb-in ‘один секрет’

Легко видеть, что в трех первых словосочетаниях числительное содержит показатель одушевленности *wk-*, а в трех последних показатель в согласуемом слове повторяет некоторый начальный фрагмент существительного-контролера. Будем говорить, что в первом случае мы имеем дело с неаллитеративным согласованием, а во втором — с аллитеративным. Неаллитеративное согласование происходит по категории одушевленности: одушевленные существительные¹⁵ имплицитно в согласуемом слове некоторый специальный показатель, а неодушевленные допускают разные показатели, правила выбора которых мы обсудим чуть ниже.

Большинство существительных в ландума имеет префикс, который как будто бы можно рассматривать как показатель класса. Полный список префиксов приведен в таблице 8 (с. 22). Как видно из таблицы, префиксы единственного и множественного числа коррелируют между собой, однако соответствие между ними не является одно-однозначным. Некоторые префиксы связаны с конкретными значениями: например, показатели *tl-* / *ml-* (SG / PL) выражают диминутивное значение, *pl-* / *nl-* (SG / PL) — аугментативное, пара префиксов *wə-* / *a-* характерна для одушевленных имен.

¹⁵ В некоторых конструкциях не все одушевленные существительные, а только названия людей или некоторое их подмножество.

Таблица 8

Префиксы существительных в ландума

Ед. ч.	Мн. ч.	Примеры
wə-	a-	wə-caməs — a-caməs ‘торговец’
dɛ-	sə-	dɛ-ləkɔ — sɛ-ləkɔ ‘день’
	ya-	dɛ-sek — ya-sek ‘зуб’
kə-	cə-	kə-babu — cə-babu ‘кукуруза’
	ya-	kə-ca — ya-ca ‘рука’
ɛ-	ya-	ɛ-bat — ya-bat ‘река’
tl-	ml-	tl-sar — ml-sar ‘камешек’ (димиутив)
pl-	nl-	pl-sar — nl-sar ‘большой камень’ (аугментатив)

В ландума, однако, есть довольно значительное количество существительных, не имеющих префиксов. Во-первых, префиксов не имеют большинство недавних заимствований, преимущественно из французского языка: *farin* ‘мука’ ← франц. *farine*, *plas* ‘место’ ← франц. *place* и т. д. Далее, нет префиксов у большинства собственных имен, включая как личные имена, так и географические названия: *Barlande* (название деревни), *Fatu* (личное имя). Наконец, что особенно важно, префиксов не имеют от 12 до 20 % прочих существительных, например, *bunbi* ‘заяц’.

В ряде африканских языков с префиксальным маркированием именного класса бывает, что согласование имен без префикса регулируется отдельным правилом (эти имена попадают в определенный класс или каким-то образом распределяются по нескольким классам). Например, в приведенной выше системе языка лингала имена без префикса составляют подклассы двух классов (1 и 9) и имплицитно те же показатели, что и имена с префиксами *mo-* / *mw-* и *n-* / *m-* / *ny-* соответственно. В ландума ситуация гораздо проще: аллитеративное согласование всех имен, независимо от наличия в них префикса, подчиняется единому правилу. Согласовательные показатели в согласуемых единицах имеют вид *C-* перед гласными и *CV-* перед согласными. Выбор префикса иллюстрируется в таблице 9, где показаны три вида согласуемых единиц:

- согласуемый определенный артикль (в сочетании с существительным);
- глагол ‘быть’ (например, в конструкции ‘X находится в месте Y’);
- объектное местоимение (например, в конструкции ‘Я вижу X’).

Артикль состоит из корня *i* и согласовательного префикса структуры *C-*. Глагол ‘быть’ имеет основу *yi* и присоединяет согласовательный префикс структуры *CV-*. Объектное местоимение (для неодушевленных имен) также имеет корень *i* и согласовательный префикс структуры *C-*. Часть существительных имеют префикс (как показано в таблице), часть не имеют, но, как легко видеть, выбор показателя согласования определяется не наличием префикса, а всего лишь начальным согласным контролера:

- (18) если существительное-контролер начинается на согласный, то тот же согласный повторяется в согласуемом слове, если же существительное начинается на гласный, то показатель согласования начинается на *ŋ*-¹⁶. (см. таблицу 9)

Все согласовательные префиксы (для каждого начального согласного в составе контролера) показаны в таблице 10.

Согласовательные показатели структуры *CV-* содержат гласный (либо *ɛ*, либо *ə*), выбор которого никакими «фонологическими» правилами не определяется: для каждого начального согласного (кроме *p*¹⁷) есть только один вариант префикса:

¹⁶ Это правило частично нарушает согласный *h*, о согласовании с существительными на *h* см. ниже.

¹⁷ Существует как префикс *pə-*, так и *pl-*, см. ниже.

Таблица 9

Существительные и согласуемые единицы в ландума

Значение существительного	Сущ. + артикль	Сущ. + глагол 'быть'	Объектное местоимение
'батаг'	<i>butete b-i</i>	<i>butete bə-yi</i>	<i>b-i</i>
'песок'	<i>cə-sənc c-i</i>	<i>cə-sənc cə-yi</i>	<i>c-i</i>
'рука'	<i>dɔ-kand d-i</i>	<i>dɔ-kand dɔ-yi</i>	<i>d-i</i>
'мука'	<i>fɔriŋ f-i</i>	<i>fɔriŋ fə-yi</i>	<i>f-i</i>
'секрет'	<i>gbundo gb-i</i>	<i>gbundo gbə-yi</i>	<i>gb-i</i>
'свобода'	<i>həri h-i</i>	<i>həri fə-yi, hɔ-yi</i>	<i>h-i, f-i</i>
'лук'	<i>jɔbɔ j-i</i>	<i>jɔbɔ jə-yi</i>	<i>j-i</i>
'кукуруза'	<i>kə-babu k-i</i>	<i>kə-babu kə-yi</i>	<i>k-i</i>
'неделя'	<i>lɔkuŋ l-i</i>	<i>lɔkuŋ lɔ-yi</i>	<i>l-i</i>
'вода'	<i>mɔnc m-i</i>	<i>mɔnc mɔ-yi</i>	<i>m-i</i>
'огонь'	<i>nənc n-i</i>	<i>nənc nɔ-yi</i>	<i>n-i</i>
'путешествие'	<i>ɲɔmɔnɛ ɲ-i</i>	<i>ɲɔmɔnɛ ɲɔ-yi</i>	<i>ɲ-i</i>
'циновка'	<i>ɲar ɲ-i</i>	<i>ɲar ɲɔ-yi</i>	<i>ɲ-i</i>
'очаг'	<i>pɔkɔ p-i</i>	<i>pɔkɔ pə-yi</i>	<i>p-i</i>
'волосы'	<i>sə-fon s-i</i>	<i>sə-fon sə-yi</i>	<i>s-i</i>
'палец'	<i>tɔ-lər t-i</i>	<i>tɔ-lər tɔ-yi</i>	<i>t-i</i>
'одежда'	<i>y-ɔc y-i</i>	<i>y-ɔc yɔ-yi</i>	<i>y-i</i>
'камень'	<i>ɔ-sar ɲ-i</i>	<i>ɔ-sar ɲɔ-yi</i>	<i>ɲ-i</i>
'школа'	<i>ekɔl ɲ-i</i>	<i>ekɔl ɲɔ-yi</i>	<i>ɲ-i</i>

Таблица 10

Согласовательные префиксы в ландума

Начальная фонема имени- контролера	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>m</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>n</i>	<i>j</i>	<i>ɲ</i>	<i>k</i>	<i>gb</i>	<i>ɲ</i>	<i>w</i>	<i>y</i>	<i>f</i>	<i>s</i>	<i>c</i>	<i>h</i>	<i>l</i>	<i>V</i>
Префикс перед гласным	<i>p-</i>	<i>b-</i>	<i>m-</i>	<i>t-</i>	<i>d-</i>	<i>n-</i>	<i>j-</i>	<i>ɲ-</i>	<i>k-</i>	<i>gb-</i>	<i>ɲ-</i>	<i>w-</i>	<i>y-</i>	<i>f-</i>	<i>s-</i>	<i>c-</i>	<i>h- / f-</i>	<i>l-</i>	<i>ɲ-</i>
Префикс перед согласным	<i>pə- / pɔ-</i>	<i>bə-</i>	<i>mɔ-</i>	<i>tɔ-</i>	<i>dɔ-</i>	<i>nɔ-</i>	<i>jə-</i>	<i>ɲɔ-</i>	<i>kə-</i>	<i>gbə-</i>	<i>ɲɔ-</i>	<i>wə-</i>	<i>yɔ-</i>	<i>fə-</i>	<i>sə-</i>	<i>cə-</i>	<i>fə-</i>	<i>lɔ-</i>	<i>ɲɔ-</i>

(19) *ə* выступает после *p, k, w, s, c, b, gb, j, f, h*;

ɔ выступает после *p, t, d, y, m, n, ɲ, ɲ, l*.

Мы видим, что правила согласования в значительной степени, хотя и не полностью, регулируются фонологическими факторами. Если у нас имеется определенная синтаксическая конфигурация, в которой от свойств существительного N зависит выбор показателя с согласуемой единицей AGR, то для выбора показателя надо проделать следующие шаги:

1. Если S — одушевленное существительное, надо определить, попадает ли оно в зону аллитеративного согласования в данной конструкции и, в зависимости от ответа на этот вопрос, определить, будет ли в слове-мишени показатель одушевленности

или же показатель будет выбран по правилам аллитеративного согласования (неодушевленные существительные всегда согласуются по аллитеративной модели).

2. Если имеет место аллитеративное согласование, то согласный в префиксе согласования надо выбрать по правилу (18).
3. Если согласовательный префикс имеет структуру *CV-*, то гласный префикса надо выбрать из списка (19).

Получается, что в ландума для построения правильной формы согласуемых единиц достаточно знать значение существительного-контролера и иметь некоторые сведения о его фонологической структуре (знать первую фонему слова). Значит ли это, что в ландума мы имеем фонологическое правило согласования? Прежде чем мы перейдем к обсуждению этого вопроса, перечислим еще несколько фактов, касающихся согласования в ландума. Важно, что некоторые из них как будто бы усиливают фонологическую или даже фонетическую составляющую правил согласования, в то время как другие, наоборот, скорее говорят против подобного подхода.

- A. Стоит обратить внимание на поведение маргинальной фонемы *h*, которая представлена в основном в немногочисленных заимствованиях из арабского языка. Если контролер согласования начинается на *h*, то согласовательный префикс может начинаться либо на *h*, либо на *f* — очевидно, в зависимости от степени освоенности фонемы *h* говорящим: *heri* ‘свобода’ — *heri f-i* / *heri h-i* ‘свобода (опр.)’ — *heri h-ən* / *heri f-ən* ‘его свобода’. По-видимому, те говорящие, для которых *h* остается чужеродным элементом, объединяют ее в один класс с наиболее близкой фонетически и при этом более привычной фонемой *f*.
- B. Еще более показательно поведение французских слов, которые часто встречаются в текстах на ландума. В данном случае мы говорим о словах, которые еще не стали полноценными заимствованиями и в значительной степени сохраняют французский фонетический облик. В (20) приводится несколько словосочетаний, взятых из одного и того же устного текста на ландума (показатели согласования выделены полужирным шрифтом):

- (20) *prezidan* **p**-a *sendika* ‘президент синдиката’
sofər **s**-i ‘шофер (опр.)’
biyε **b**-*alsu* **b**-i ‘этот наш билет’
transpər **t**-*alsu* **t**-i ‘этот наш транспорт’
mōtər **m**-i **m***l*-sofe ‘мотор нагрелся’
pasazε **p**-in ‘один пассажир’

Очевидно, что французские слова подчиняются общему правилу (18), тем более что применять его легко и просто. Более того, говорящие справляются с согласованием даже в тех случаях, когда французское слово начинается звуком, отсутствующим в фонетической системе ландума. В имеющихся у нас устных текстах попало два таких примера. В (21) используется французское слово *vacance* ‘каникулы’, начинающееся с губно-зубного *v*. В ландума есть только билабиальный *w* и губно-зубной *f*. Как видно из (21), носитель предпочел согласовывать с этим словом так, как если бы оно начиналось с *f*.

- (21) *andl* *vakans* *fə* *bek* *nɔ*, *e* *fə* *lε* *kə-lukəs...*
 когда каникулы(франц.) AGR достичь FUT 1sg хотеть ASR AGR-вернуться
 ‘Когда каникулы кончились, я хотел вернуться (в школу) ...’

Еще более сложная проблема стояла перед говорящим в примере (22), где встретилось французское слово *joint* ‘сустав, сочленение, шарнир’, начинающееся звуком *ʒ*.

В ландума отсутствует не только *ž*, но и *z* и *š*, поэтому говорящему пришлось расценивать *ž* как вариант фонемы *s*:

(22)	Λ	urp	le	žen	s-Λ,	žen	dəklasi,
	IPRS	найти	ASR	шарнир(франц.)	AGR-tot	шарнир(франц.)	стеклянный(франц.)
	sə	teuΛ	le				
	AGR	гореть	ASR				

‘Выяснилось, что горел шарнир, стеклянный шарнир’¹⁸.

- В. С другой стороны, явно морфологическую природу имеет выбор показателя согласования в тех случаях, когда имя-контролер начинается на *p*. В ландума есть слова на *p* без префикса, и есть слова с аугментативным префиксом *pΛ-*. Эти два типа слов согласуются по-разному: слова без префикса вызывают в согласуемых единицах префикс *pə-*, а слова с аугментативным показателем — префикс *pΛ-*. Иначе говоря, в данном случае правило согласования опирается на морфологическую структуру контролера.

Обобщая факты о согласовании в ландума, можно сказать, что выбор согласной фонемы в показателе согласования в случае аллитеративного согласования практически всегда определяется фонологическим признаком существительного-контролера (его начальной фонемой). Это обобщение верно по крайней мере для всех неодушевленных существительных, а в некоторых конструкциях также и для части одушевленных. В следующем разделе мы обсудим, какие теоретические проблемы ставит перед нами такое согласование, которое мы вслед за Г. Корбетом будем называть радикально аллитеративным.

3.4. Ландума и проблема влияния фонологии на синтаксис

Согласование в ландума смущает нас тем, что синтаксические по своей природе правила согласования опираются на фонологические свойства лексемы-контролера. Это противоречит распространенному представлению об устройстве языка, которое было эксплицитно сформулировано как принцип независимости синтаксиса от фонологии (Principle of Phonology-Free Syntax) в работах Арнольда Звики и его соавторов ([Zwicky 1969; Zwicky, Pullum 1986; Miller et al. 1997] и др.):

- (23) “Синтаксические правила в грамматике естественного языка не обращаются к фонологии” (“In the grammar of a natural language, rules of syntax make no reference to phonology” [Miller et al. 1997: 68]).

Вообще говоря, подобное представление о языковой структуре свойственно не только приверженцам генеративизма, но и лингвистам более традиционного толка, включая адептов теории «Смысл — Текст», где между фонологией и синтаксисом лежит два морфологических уровня. Между тем похоже, что правило согласования в ландума — в том виде, как мы его сформулировали, — опирается на фонологию и противоречит принципу Звики.

Понятно, что отсутствие или наличие нарушения принципа зависит от того, какое описание мы выберем. В работе 1986 г. А. Звики и Дж. Пуллум замечают, что любое синтаксическое правило, сформулированное с опорой на фонологическую информацию, может быть переформулировано так, что фонологическая информация непосредственно в правиле учитываться не будет. В нашем случае также можно предложить такие способы описания, в которых нарушения принципа Звики будут элиминированы.

¹⁸ Возможно, что с технической точки зрения это описание ситуации не слишком корректно, но такова версия автора текста.

Наиболее очевидный способ — считать, что в ландума все же есть система именных классов, и приписать каждому имени класс в лексиконе. Такое описание представлено в неопубликованной работе Кирка Роджерса [Rogers (ms.)] — миссионера, много лет работавшего в районе проживания ландума. Хотя такой подход в целом описывает правила согласования и не создает теоретических проблем, он не объясняет аллитеративного характера согласования, не справляется с фактами переключения кодов, а главное — чрезмерно усложняет модель, вводя объекты (лексические классы), которые не являются абсолютно необходимыми.

Можно попытаться спасти систему ландума от фонологического согласования, рассматривая начальные фонемы существительных как префиксы. Эта попытка, однако, приводит к серьезным дескриптивным проблемам. Множественное число имен в ландума образуется присоединением плюрального префикса, если классного префикса в единственном числе нет, и заменой классного префикса, если он есть, ср.: *bunbi* ‘заяц’ — PL *ул-bunbi*; *dl-sek* ‘зуб’ — PL *ул-sek*. Понятно, что если мы будем в данном и аналогичных случаях рассматривать начальный согласный (например, *b* в слове *bunbi* ‘заяц’) как еще один префикс, формулировка правила образования множественного числа существенно усложнится. Аналогичные проблемы возникнут во всех многочисленных случаях, когда от одного корня образуется несколько имен (ср. *tl-demna*, PL *ml-demna* ‘апельсин (плод)’ — *l-demna*, PL *ул-demna* ‘апельсиновое дерево’) или когда один корень используется и как глагольный, и как именной (например, корень *dɔkɔ* ‘работать, работа’ выступает и как именной в словах *dɔkɔ* ‘работа, дело’ (PL *sə-dɔkɔ*, *ул-dɔkɔ*), *wə-dɔkɔ* (PL *a-dɔkɔ*) ‘работник, изготовитель’, и как глагольный — и в последнем случае присоединяет префиксы в финитных формах и в форме отглагольного имени *kə-dɔkɔ*).

Таким образом, два указанных подхода (особенно второй) не выглядят удачной альтернативой фонологическому правилу (18), которое обладает не только описательной адекватностью, но и большей простотой. К тому же факты согласования с французскими словами поддерживают идею о том, что фонологическая структура контролера участвует в том, как носитель языка строит конструкции с согласованием.

Однако верно и то, что фонемы не могут быть единицами, определяющими согласовательные правила, просто по определению. Фонема — односторонняя единица, не имеющая означаемого. Между тем контроль согласования — важная функция языковой единицы, которая должна считаться ее означаемым. Фонема, контролирующая согласование, уже не просто фонема — подобно тому, как не является просто фонемой однофонемное слово или не является просто словоформой синтаксическая группа, даже если она включает ровно одну словоформу. Такая, функционально нагруженная, «фонема» должна рассматриваться как некоторая единица более высокого уровня. Однако рассматривать ее как обычный префикс неудобно — следовательно, надо считать, что это особый класс префиксов или вообще особый класс единиц — «сегмент, включающий первую фонему слова». В принципе морфологические единицы, опирающиеся на фонологическую структуру словоформы, в отличие от синтаксических, вполне допустимы и широко распространены (например, любое правило редупликации базируется на анализе носителем фонологической структуры некоторого фрагмента исходной словоформы). Получается, что морфологическая единица опирается на анализ фонологической структуры словоформы (и тем самым учитывает те фонологические закономерности, которые мы рассмотрели выше), а собственно правило согласования опирается на морфологическую структуру слова-контролера. Мы можем утверждать, что фонологическое согласование — по определению — невозможно, а тот тип согласования, который мы едва не называли фонологическим, следует считать морфологическим.

Это рассуждение как будто бы спасает нас от нарушения принципа независимости синтаксиса от фонологии. Однако оно приводит нас к тому, что в ландума, как и в языках ньюн и акебу (раздел 3.2), согласование опирается на единицы поверхностной морфологии: выбор согласовательного показателя зависит от наличия в слове тех или иных морфологических единиц (правило (16)). С теоретической точки зрения правила такого типа ничуть не лучше

правил, опирающихся на фонологию. В частности, в уже цитировавшейся работе [Miller et al. 1997] непосредственно после формулировки (23) сказано следующее: «Мы полагаем также, что верно и то, что синтаксические правила не используют чисто морфологическую информацию. Это утверждение можно рассматривать как принцип независимости синтаксиса от морфологии, хотя этот принцип очень близок к уже известному принципу строгого лексикализма¹⁹».

Ландума не единственный язык, в котором обнаружено радикально аллитеративное согласование, однако языки такого рода исключительно редки. Сходные (хотя и не полностью аналогичные) явления обнаружены в нескольких языках группы кру (макросемья нигер-конго, [Sande 2017]) — гебье, кран, годье, вата (Guébie, Krahn, Godié, Vata). Как уже отмечалось выше (сноска 9), некоторые авторы усматривали такое согласование в языке ньюн [Dimitriadis (ms.)]. Радикально аллитеративное согласование обнаружено также в арапешских языках на Новой Гвинее [Dobrin 2012].

Большинство авторов, столкнувшись с языками, где — по крайней мере, с их точки зрения — имеет место радикально аллитеративное согласование, пытаются как-то решить теоретическую проблему, на которую мы указали выше. В работе [Dimitriadis (ms.)] предлагается считать, что в конструкциях с аллитеративным согласованием происходит дублирование имени-контролера, которое потом частично стирается фонологическим компонентом модели. Иначе говоря, А. Димитриадис пытается «дотянуть» морфологические единицы (показатели согласования) до полноценных синтаксических единиц, что действительно спасло бы нас от нарушения принципа Звики, но не кажется слишком убедительным по отношению к конкретному языковому материалу. В серии публикаций по языкам кру Ханна Санде ([Sande 2016; 2017] и др.) предлагает более сложную модель, в которой повтор одного и того же элемента в двух различных словоформах описывается как морфологическое правило, действующее в рамках некоторой конфигурации (DP).

Однако, на наш взгляд, какие бы хитроумные приемы моделирования конструкций с радикально аллитеративным согласованием ни выдвигались, мы неизбежно вынуждены сделать одну из трех вещей:

- 1) либо ввести в описание содержательно избыточные лексические классы,
- 2) либо сдвинуть границы морфологии и синтаксиса,
- 3) либо отказаться от абсолютной незыблемости принципа независимости синтаксиса от фонологии / морфологии.

Неудивительно, что по крайней мере двое из упомянутых выше авторов пытаются подвергать принципы независимости синтаксиса от фонологии и морфологии осторожному сомнению. Х. Санде [Sande 2017], построив модель, которая как будто бы способна спасти нас от нарушения этих принципов в языках кру, приходит в итоге к сомнениям в том, что следование принципам независимого синтаксиса дает нам какие-то преимущества. Л. Добрин пишет, что мы нуждаемся в теории, в которой грамматические компоненты взаимодействовали бы более свободно, чем в существующих моделях [Dobrin 2012: 178].

На наш взгляд, имеющихся на данный момент знаний недостаточно для общего решения этой проблемы. Ценность принципов независимости синтаксиса, разумеется, не в том, что мы к ним привыкли, и не в том, что им — прямо или имплицитно — следует большинство лингвистов разных теоретических школ. Главное, конечно, то, что нарушения этих принципов — даже кажущиеся — достаточно редки. Возможно, новые факты или более мощные теории позволят объяснить наблюдаемые в ландума и других языках факты либо вовсе без нарушений важных лингвистических постулатов, либо с ясным пониманием того, в каких случаях и в каких пределах такие нарушения возможны.

¹⁹ “It is also true, we believe, that syntactic rules do not refer to purely morphological information. This could be referred to as the Principle of Morphology-Free Syntax (PMFS), though it is closely related to what is already known in the literature as Strict Lexicalism” [Miller et al. 1997: 68].

Заключение

Языки, в которых принято усматривать категорию рода или именного класса, различаются по тому, насколько велика в них доля существительных, класс которых может быть однозначно определен на основании их значения или формальных свойств (ср. слабо мотивированную систему в немецком и высоко мотивированную систему в русском), однако в главном они сходны: для адекватного описания согласования в таких языках необходимо ввести словоклассифицирующую категорию именного класса или некоторый ее аналог и зафиксировать значение этой категории в словаре — по крайней мере, для части именных лексем.

Мы постарались показать, что словоклассифицирующая категория именного класса нужна в несколько меньшем числе языков, чем принято считать. Выше мы рассмотрели несколько типов языков, системы именных классов в которых в некотором смысле являются маргинальными или даже излишними. Такие языки ставят под вопрос необходимость по-тирования в них именных классов.

— Языки с референтным согласованием

Во-первых, на примере даргинского мы убедились в том, что существуют языки, в которых согласование происходит по некоторым семантическим характеристикам не существительного, а возглавляемой им именной группы, причем в большинстве случаев речь идет о свойствах ее референта. Поскольку существенными для согласования являются свойства именных групп, классификации собственно существительных для таких языков не имеют смысла. Разумеется, семантические категории, по которым происходит согласование, должны быть описаны в грамматике, однако фиксация их в словаре не только не необходима, но даже в ряде случаев противоречит языковой реальности.

— Языки с семантическим согласованием

Во-вторых, мы упомянули о возможности существования языков, в которых согласование последовательно происходит по каким-либо семантическим признакам имени. Говорить о существовании классификации имен в таких языках, безусловно, можно, однако в них нет необходимости фиксировать класс имен в словаре: класс любого существительного однозначно выводится из его значения. Проблема с такими языками скорее заключается в том, что мы не уверены в их существовании или по крайней мере в их широкой распространенности. Похоже, что большинство языков, которые во Всемирном атласе лингвистических структур [WALS] и в работах типологов расцениваются как языки с семантическим согласованием (а их довольно много!), в действительности скорее представляют референтный (или смешанный) тип согласования.

— Языки с «морфологическим» согласованием

Существуют, хотя и немногочисленны, языки, в которых выбор показателя согласования полностью определяется морфологической структурой имени или комбинацией значения имени и его морфологической структуры. Существительные в таких языках распадаются на согласовательные классы, однако необходимости фиксировать их в лексиконе опять-таки нет — принадлежность имени к тому или иному согласовательному классу определяется на основании некоторого — не очень сложного — набора правил. В наиболее простом случае согласовательные свойства существительного однозначно определяются наличием в нем некоторого показателя. Хотя такие языки соответствуют критериям идеальной классной системы, по Г. Корбету (см. выше), они в определенном смысле вообще не нуждаются в категории именного класса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В примерах из даргинского

1, 2	— 1, 2 лицо
ACTL	— частица актуализации
ADD	— аддитивная частица
ADV	— наречие
ATR	— атрибутивный показатель
CARD	— количественное числительное
CONTR	— контрастивная частица
CONV	— деепричастие
COP	— связка
DAT	— датив
ERG	— эргатив
ESS	— эссив
EXST	— экзистенциальная связка
F	— женский класс
GEN	— генитив
HPPL	— личный класс множественного числа
IF	— интерфикс
INF	— инфинитив
IPFV	— имперфектив
LAT	— латив
LOC	— локатив
LS	— лексическая основа (неглагольная основа в составе сложного глагола)
LV	— «легкий глагол» (основа простого глагола в составе сложного)
M	— мужской класс
N	— неличный класс
NEG	— отрицание
NPL	— неличный множественный класс
OBL	— косвенная основа
ORD	— порядковое числительное
PFV	— перфектив
PL	— множественное число
PRET	— претерит
PRS	— презенс
SUPER	— локализация «на поверхности»
UP	— преверб «вверх»

В примерах из акебу (гlossы А. Б. Шлуинского)

кƏ, крƏ, үƏ	— показатели именных классов	pfv	— перфектив
-------------	------------------------------	-----	-------------

В примерах из ньюн гуньямоло (гlossы из [Bao Diop 2015])

CL	— показатель именного класса	DEM1	— ближний демонстратив
DEF	— определенность	DEM2	— дальний демонстратив

В примерах из ландума

1sg	— 1 лицо единственного числа	fut	— будущее время
agr	— показатель согласования	iprs	— безличный показатель
asr	— утвердительная частица		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андронов 1987 — Андронов М. С. Грамматика тамильского языка. М.: Наука, 1987. [Andronov M. S. *Grammatika tamil'skogo yazyka*. [Grammar of Tamil.] Moscow: Nauka, 1987.]
- Коваль 1997 — Коваль А. И. Именные категории в пулар-фульфульде // Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания. Т. 1. Именные категории. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 92–220. [Koval' A. I. Nominal categories in Fulah. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaniiya*. T. 1. *Imennyye kategorii*. Vinogradov V. A. (ed.). Moscow: Aspekt Press, 1997. Pp. 92–220.]
- Ландер 2015 — Ландер Ю. А. Об отсутствии именной классификации в тантынском даргинском. Доклад на конференции по восточным языкам. Институт востоковедения РАН, Москва, 27 января 2015 г. [Lander Yu. A. *Ob otsutstvii imennoi klassifikatsii v tantynskom darginskom* [On the absence of nominal classification in Tanty dialect of Dargwa]. A report at the conference on Oriental languages. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, January 27, 2015]
- Макеева, Шлуинский 2015 — Макеева Н. В., Шлуинский А. Б. Именные классы и согласование в языке акебу // Виноградов В. А. (отв. ред.). Исследования по языкам Африки. Вып. 5. Институт языкознания РАН. М.: Ключ-С, 2015. С. 174–200. [Makeeva N. V., Shluinsky A. B. Noun classes and agreement in Akebu. *Issledovaniya po yazykam Afriki*. No. 5. Vinogradov V. A. (ed.). Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Moscow: Klyuch-S, 2015. Pp. 174–200.]
- Топорова 1994 — Топорова И. Н. Грамматика языка лингала. М.: Помовский и партнеры, 1994. [Toporova I. N. *Grammatika yazyka lingala* [Lingala grammar]. Moscow: Pomovskii i Partnery, 1994.]
- Aikhenvald 2002 — Aikhenvald A. Y. *Classifiers. A typology of noun categorization devices*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Aikhenvald 2017 — Aikhenvald A. Y. A typology of noun categorization devices. *The Cambridge Handbook of Linguistic Typology*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Cambridge Univ. Press, 2017. Pp. 361–405.
- Bao Diop 2015 — Bao Diop S. Les classes nominales en nyun gunyamolo. *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Creissels D., Pozdniakov K. (eds.). Cologne: Rüdiger Köppe, 2015. Pp. 371–406.
- Chumakina 2012 — Chumakina M. *Archi*. Talk at the University of Harvard, Cambridge, Mass., USA. 28th November 2012.
- Cobbinah 2010 — Cobbinah A. The Casamance as an area of intense language contact. The case of Bañouk Gubaher. *Journal of Language Contact (Thema)* 3. 2010. Pp. 175–201.
- Corbett 1991 — Corbett G. G. *Gender*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Corbett 2006 — Corbett G. G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. Animacy and the notion of semantic gender. *Gender in grammar and cognition. I: Approaches to gender*. Unterbeck B. (ed.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2000. Pp. 99–116.
- Dimitriadis (ms.) — Dimitriadis A. *Alliterative concord in phonology-free syntax*. (Ms.) Univ. of Pennsylvania, 1996.
- Dobrin 2012 — Dobrin L. M. *Concreteness in grammar. The noun class systems of the Arapesh languages*. Stanford Studies in Morphology and the Lexicon. Stanford: CSLI publications, 2012.
- Hockett 1958 — Hockett C. F. A course in modern linguistics. *Language Learning*. 1958. Vol. 8. No. 3–4. Pp. 73–75.
- Makeeva, Shluinsky (ms.) — Makeeva N., Shluinsky A. *Noun classes and class agreement in Akebu*. (Ms.)
- Miller et al. 1997 — Miller Ph., Pullum G., Zwicky A. The Principle of Phonology-Free Syntax: Four apparent counterexamples in French. *Journal of Linguistics*. Vol. 33. 1997. Pp. 67–90.
- Rogers (ms.) — Rogers K. *Landuma grammar write-up: Noun classing system*. (Ms.) 2008.
- Sande 2016 — Sande H. An interface model of phonologically determined agreement. *Proceedings of the 33rd West Coast Conference on Formal Linguistics*. Kyeong-min Kim et al. (eds.). Somerville (MA): Cascadia Proceedings Project, 2016. Pp. 339–350.
- Sande 2017 — Sande H. Phonologically determined agreement in Guébie. *UC Berkeley Phonetics and Phonology Lab Annual Report* (2017). 2017.
- Segerer 2015 — Segerer G. Les classes nominales en manjaku. *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Creissels D., Pozdniakov K. (eds.). Cologne: Rüdiger Köppe, 2015. Pp. 183–208.
- WALS — The World Atlas of Language Structures: <http://wals.info>.
- Zwicky 1969 — Zwicky A. M. Phonological constraints in syntactic descriptions. *Papers in Linguistics*. Vol. 1. Issue 3. 1969. Pp. 411–463.
- Zwicky, Pullum 1986 — Zwicky A. M., Pullum G. K. The Principle of Phonology-Free Syntax: Introductory remarks. *The Ohio State University Working Papers in Linguistics*. Vol. 32. 1986. Pp. 63–91.